

Проблемы документарной гипотезы

УОЛТЕР КАЙЗЕР

Большое спасибо. Возможность разделить с вами это время — совершенно особое удовольствие для меня. Я также очень рад, что выступаю сегодня на тему о Ветхом Завете. На мой взгляд, мы слишком часто думаем, что изучение Ветхого Завета чревато проблемами, особенно если в него вчитываться. Однако это часть откровения, признанного христианской Церковью и сообществом верующих.

Сегодня мы хотим предметно поговорить о том, что называется «Документарной гипотезой». До XVIII столетия первые пять книг Библии (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) приписывали Моисею и считали, что он написал их по вдохновению от Бога. В середине 1700-х годов немецкий пастор, которого звали Хеннинг Бернхард Виттер, и французский врач Жан Астрюк высказали предположение, что, возможно, Моисей написал эти книги не благодаря непосредственному воздействию или помощи Бога, а использовал два источника. Такое предположение объяснялось тем, что в книге Бытия Бог называется одним именем, обычно *Elohim*, а во 2-й главе Бытия — другим, которое представляет собой составное имя, включающее в себя имя Яхве, иногда неверно произносимое как Иегова.

Виттер и Астрюк по-прежнему утверждали, что Пятикнижие было написано по Божьему вдохновению, оба они говорили по-прежнему, что его написал Моисей, но только он пользовался источниками. Их теория, на мой взгляд, все еще оставалась в рамках того, что мы называем евангелическим или последовательно ортодоксальным богословием.

Однако к началу 1880-х годов определенную популярность в Америке приобрела т. н. «высшая критика» (иногда этот термин используется в отрицательном, а иногда в положительном смысле), которую чаще и правильнее называют историко-критическим методом изучения Библии. И в богословских учебных заведениях, семинариях (в особенности протестантских) и церквях к тому времени уже появились некоторые люди, по мнению которых Иисус не мог сказать: «Моисей в законе заповедал». Они полагали, что приписывать Моисею цитаты из Бытия, или Исхода, или из книг Левит, Числа и Второзаконие, а также сами эти книги, как это происходит в книгах Ездры, Неемии и многих других книг Ветхого Завета, неправильно; что подобные утверждения неточны. Это повлекло за собой целый ряд судебных слушаний, на которых преподавателей и пасторов обвиняли в ереси за то, что они не сохранили верность библейским утверждениям.

Таким образом, к началу 1880-х годов движение «Документарной гипотезы», или движение «высшей критики» было уже в полном расцвете. Я полагаю, что следует различать историко-критический метод и грамматико-историческое толкование, которое, как правило, считается хорошим методом. Под грамматико-историческим методом мы не имеем в виду грамматику и историю; речь в данном случае идет о естественном, буквальном, очевидном смысле текста, помещенном в надлежащий исторический контекст. Такой подход оправдан, мы ему доверяем, и он издавна был общепринятым способом толкования Библии. Но теперь они называют его историко-критическим методом и, на мой взгляд, имеют в виду нечто совсем иное.

Давайте поговорим об определении историко-критического метода. Какие элементы включают в это определение? Прежде всего, как мне кажется, мысль о том, что Библию следует анализировать и толковать с помощью таких же методов, какие мы используем по отношению к любой другой литературе. В тот период в литературоведческих кругах разгорелся интерес к изучению всех сочинений Шекспира: он это написал или не он? И, конечно же, пришли к выводу, что большинство текстов написал не он. Потом переключились на «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Некоторые говорили, что не может быть одного эпоса о войне, а другого — о мире, что человек не пишет на две разные темы, но всегда пишет на одну. Поэтому нужно оставить один текст ему, а второй отдать кому-нибудь другому.

Почему так решили, я не знаю. Были сформулированы определенные гипотезы, которые наложили на литературные тексты. К счастью, английское литературоведение этим переболело,

однако библеистика до сих пор не избавилась от части тех проблем. Итак, Библию необходимо подвергнуть тем же методам анализа.

Вторая часть определения заключается в том, что религиозные институты Израиля в своем развитии прошли три гегелевских диалектических ступени. Гегель, развивая идеи великого немецкого богослова Фихте, говорил, что есть одна сторона, *тезис*, и другая, противоположная ей, *антитезис*, из которых рождается *синтез*. Говорили, что действительность развивается именно в таком направлении. Не знаю, есть ли тому какие-то доказательства, но это была отличная рабочая гипотеза, и в таком виде все оставалось много лет.

Применительно к библейскому материалу эта идея звучала так, что мы прошли от простой, примитивной, древней, практически нецивилизованной религии к великому этическому монотеизму времен Амоса (VIII век до н. э.). Для этого нам пришлось проделать путь поэтапного развития: вне зависимости от того, насколько идея об эволюции была верна в области биологии, ее автоматически применили к социологии, антропологии и общественным наукам. Опять же, я не могу вам объяснить, как произошел этот перенос, однако он свершился. Идея носилась в воздухе, и каждый применял ее, как мог.

Спор о применимости теории эволюции к сфере биологии (важный спор, в котором я, кстати, не участвую) шел своим чередом, но эту же теорию перенесли в сферу истории и общественных наук. И тогда родилась идея, что ветхозаветная религия в своем развитии прошла три больших этапа: допророческий, пророческий и этап Закона. Иными словами, Закон появился последним — уже в V или IV веке до н. э. Это переворачивало всю Библию с ног на голову. Иными словами, Десять Заповедей находятся в 20-й главе книги Исход, в Пятикнижии, а теперь оказывается, что их написал не Моисей, а написаны они были в последнюю очередь по возвращении евреев из изгнания. Это был поворот на 180 градусов, который, наверняка, удивил всех — думаю, что и самого Моисея!

Как бы то ни было, многое поменялось местами. Получалось, что религиозные институты претерпели своего рода гегелевское диалектическое развитие: тезису в виде допророческой религии противостоял антитезис в виде пророческой религии, и из этого противостояния родился синтез в виде священнической религии, а Закон появился под самый конец.

Третья часть нашего определения заключается в том, что начало единобожию Израиля положил не Моисей. Иными словами, идея единства Бога, столь уникальная для откровения Ветхого и Нового Заветов и являющаяся частью Писания, родилась не из первых пяти книг — которые мы называем общим термином Пятикнижие, — а стала результатом постепенного эволюционного процесса, который завершился во времена пророков VIII столетия до н. э., таких классических пророков, как Исаия (отчасти), Амос, Михей и Осия. Это были великие люди. Они говорили: «Чего хочет Бог? Он не хочет жертв. Он не хочет приношений». При этом установления о жертвах и приношениях еще не были даны людям, так что я не знаю, как они могли их отвергать. Так или иначе, Бог жертв не хотел. А хотел Бог, цитируя слова Михея 6:8, справедливости, милосердия и смиренномудренного хождения пред Богом нашим. Такова истинная религия. Так утверждали и так продолжают утверждать до сих пор. Сегодня такая точка зрения преобладает в протестантской, католической и иудейской библеистике. До сих пор. Полный охват за какую-то сотню с небольшим лет, начиная с 1880-х годов.

Четвертая часть определения заключается в том, что первые пять книг Ветхого Завета представляют собой сочетание четырех основных документов. И тут появляется знаменитая алфавитная солянка: JEHP. Ни я, ни кто-либо другой никогда не видел ни одного из людей, стоящих за этими буквами, или составленных ими документов. Вы должны понимать, что эти персонажи — литературный вымысел. Их создали, открыв Библию, насыпав туда критерии, закрыв Библию и удивившись тому, что метод сработал. Это сродни тому, как если бы человек бросал дротики в двери сарая, а потом рисовал вокруг них мишени с криками: «Попал! В самое яблочко!» Возможно, рассуждаете вы логично, но, уж простите за откровенность, это рассуждения задним числом. Иными словами они опираются не на внешние свидетельства и не на

археологические данные, но якобы на внутренние свидетельства, а потом мы оборачиваемся и объявляем, что наши внутренние свидетельства работают.

Что такое «J»? «J» представляет собой сборник всех самых жестоких историй из Пятикнижия. В них, как говорят, Иегова или Яхве ведет Себя, словно демон. Он достоин порицания в этическом и нравственном отношении. Тем не менее, эти истории люди рассказывали у костров и ханаанских святилищ. Идя по склону холма, они любили рассказывать эти истории. В них нашла отражение иудейская точка зрения. Они имели явно южное происхождение, поскольку написаны с точки зрения двух южных колен. Примерно в 850 г. до н. э. эти истории были, наконец, записаны.

Документ «E» появился спустя 100 лет. Он был написан с северной точки зрения. Как и «J», он был составлен во время существования царств Израильского и Иудейского, во времена разделенного после смерти Соломона царства. В документе «E» не встречается имя Яхве или Иегова, его составители предпочитали называть своего Бога Элохимом. С Ним было так же трудно ужиться, как и с Богом более древних документов. Я с этим не согласен. Говорю вам об этом сейчас, потому что кое у кого из вас серьезные лица. Как бы то ни было, это часть «E». Ее написал Ефрем, ее написали десять северных колен. Это точка зрения «янки», а другой документ отражал представления южан. Понятно?

Но потом, наконец, в 621 году, когда Иосия приводил в порядок дом Божий, — эврика! Что он нашел? Документ «D». В библейском тексте об этом нет ни слова. Там говорится, что он нашел книгу закона. Но ее объявили документом «D». Не имею понятия, каким образом. Некоторые люди обладают прекрасным зрением. Я до боли в глазах вглядывался в текст на иврите и не нашел документа «D», а они нашли. Они нашли там документ «D». И что же это было, как не ответ на противоречия между «J» и «E»? Чего хочет Бог? Они отвечали на этот вопрос самыми разными способами, но в этом документе «D» говорилось: «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею». Снова тезис и антитезис Гегелевской диалектики, из которых родился синтез: любовь. Любовь. Занимайтесь любовью, а не войной. И у них появился совершенно новый тезис.

Напоследок появился документ «P». Когда они оказались в плену, храм сгорел, не осталось ни царства Давида, ни престола Давида, ни всего остального, что строилось на протяжении Ветхого Завета, под конец мы сталкиваемся с сухими, пыльными, литургическими, трудными частями библейского текста, которые представляют собой наставления относительно того, как построить святилище. Их стиль узнаваем: «Прибей столько-то досок с этой стороны столькоими-то гвоздями и вырежь столько-то пазов. И он прибил столько-то досок с этой стороны столькоими-то гвоздями и вырезал столько-то пазов, после чего увидел, что с другой стороны есть столько-то досок, столько-то гвоздей и столько-то пазов». Уловили идею? С ума сойти можно. По крайней мере, человеку с Запада. Вы скажете: «Ты уже дважды это повторил», — но именно это и считается характерным стилем документа «P». И перечисления типа «сын такого-то, сына такого-то, сына кого-то еще» — это тоже стиль «P». Священнические, литургические, казуистические записи. Когда ничего больше не осталось, им, наконец, представилась возможность.

Так это выглядит в теории. И мне не передать вам, скольких людей сегодня этой теории учат. Но я бы хотел покритиковать ее, если возможно.

Еще одна часть определения. Давайте быстро рассмотрим пятую часть. Суть ее в том, что не пророческие, поэтические библейские книги, то есть Псалтирь, Притчи, Иов, — эти книги, по существу, были написаны после Вавилонского пленения, то есть они не были написаны во времена Соломона, как, может быть, думают некоторые из нас. Все они датируются лишь V-IV веком до н. э.

Что ж, так, на мой взгляд, звучит определение. Давайте поговорим о некоторых проблемах с этим определением, бытовавшим в конце XVIII века и, конечно, в XIX и XX столетиях.

Прежде всего, думаю, нужно признать, что существует оправданная высшая критика. Высшая критика как таковая представляет собой противоположность т. н. «низшей критики». Низшая критика рассматривает вопросы, связанные с самим текстом. Например, как нам с помощью

рукописей Мертвого моря и прочих свидетельств, переносящих нас на тысячи лет назад, определить наиболее достоверный текст. А также вопрос канона, т. е. вопрос о том, какие книги следует считать частью Библии. Все это низшая критика.

Но есть и высшая критика. Джеймс Орр в своей знаменитой статье о критике в старом издании «Международной стандартной библейской энциклопедии» писал, что высшая критика рассматривает вопросы датировки текста (когда он был написан), авторства текста (кто написал книгу), подлинности текста (действительно ли книга написана тем, кто называет себя ее автором) и происхождения текста (пользовался ли автор какими-то источниками).

Кстати, мы в евангелических кругах вовсе не против источников. Библия изобилует источниками — например, в 1-й и 2-й книгах Паралипоменон упоминаются 75 источников. Хотите узнать больше, обратитесь к Книге царей Иудейских и Израильских или к Книге браней Господних. Хотите узнать еще больше, почитайте Книгу Праведного. Это подлинные источники.

Что меня смущает, так это воображаемые источники! Воображаемые источники вроде J, E, D, P, а также R, редактор, и еще S, и L, и другие — кто они все такие? Они нигде не упоминаются, мы никогда их не видели, и никто никогда не пытался узнать о них какие-то подробности. Так что, это воображаемые источники.

Кроме того, высшая критика рассматривает вопросы назначения: для кого написана книга, с какой целью она была написана. Технически это можно называть высшей критикой, и когда-то это так и называли. Жаль, что подход к изучению Библии, именуемый документальной теорией или историко-критическим методом, присвоил это название, которое некогда обозначало то же самое, что и грамматико-критическое исследование Библии.

Вторая проблема, как мне кажется, заключается в том, что никакого единого историко-критического метода не существует. Вам кажется, что все эти ученые согласны друг с другом? Ошибаетесь. Я ни разу не видел единодушия по отношению к любой книге — к какому из документов она принадлежит, каково содержание этого документа, и при каких условиях он был написан. Консенсуса, похоже, просто нет. Так что историко-критического метода не существует. Есть множество историко-критических методов, а разных историко-критических результатов едва ли не столько же, сколько исследователей. Некоторые из этих результатов добираются до учебных заведений. Однако, если смотреть на вещи трезво, мы трудимся над этим уже с 1750 года, и можно было бы подумать, что получен хоть какой-то достоверный результат. Прошу прощения, но это так. Просто возьмите с десятков подобных книг, положите их в один ряд и начните раскрашивать стихи маркерами. Вскоре вы убедитесь, что для каждого стиха вам понадобятся все цвета, обозначающие разные мнения исследователей. Это будет похоже на книжку-раскраску безумного ребенка.

Так или иначе, думаю, нам нужно это признать. Однако этот метод действительно опирается на ряд общих презумпций. Позвольте мне привести в качестве примера хотя бы три таких презумпции. Это самое важное. Именно это придает всему историко-критическому методу единство. Это и есть дух модернизма. Дух модернизма проявляется в презумпциях и в том, на каком этапе эти презумпции постулируются.

Прежде всего, *презумпция автономии*: библеист вправе составлять собственное мнение в свете имеющихся фактов. Это правильно. Мне это нравится. Пока вроде бы все звучит хорошо. Однако за этой презумпцией стоит старая идея немецкого философа Фихте о воле к власти. У нас уже были проблемы с этой идеей в Третьем Рейхе; она доставляет нам проблемы и тогда, когда применяется к библейским текстам. Желание обладать текстом Ветхого Завета тождественно тому, чтобы понимать его так, как пожелаешь. Именно это обычно имеется в виду под «автономией». Мое желание порождает мысль — следовательно, я могу говорить все, что хочу. Хотелось бы мне сказать вам, что эта презумпция имеет гораздо более научный характер, потому что это ценное свойство, и я ценю его. Но, боюсь, это не научность, а ложное наукообразие. Жаль, что приходится выражаться так жестко, но мы тут обмениваемся по-настоящему сильными «оплеухами», и я думаю, что это необходимо.

Второе — *презумпция аналогии*. Иными словами, достоверность какого-то события в прошлом напрямую зависит от того, что может произойти и происходит сегодня. Если я могу увидеть воскресение из мертвых сегодня, — ладно, это пойдет. Если я никогда не сталкивался с воскресением, это не годится. Кто это решает? Я решаю. Вся окружающая культура, вся окружающая реклама подстроены под меня. Я захожу в закусочную и прошу гамбургер. Мне говорят: «Как пожелаете». Приступая к изучению богословия, я слышу то же самое: «Как пожелаете». Богословские пирожки выпекают так же, как съедобные. Мне очень жаль... Все ограничивается моим нынешним опытом: видел ли я, чтобы кого-то исцелили или воскресили из мертвых, или что-либо еще из описанного в Ветхом Завете. Если я вижу, как топор плавает, — замечательно; но если я никогда этого не видел, долой этот текст, поскольку только я вправе решать, что должно быть в тексте. Ведь реклама не может ошибаться. Это часть моей культуры.

Третье — *презумпция причинности*. Иными словами, вывод сам по себе является частью мира причин и следствий. И таким образом, опять-таки, сверхъестественное возможно лишь в той мере, в которой я с ним сталкиваюсь.

На мой взгляд, эти три презумпции — автономии, аналогии и причинности — в очень большой степени являются частью нашей культуры. Одной из самых значимых фигур начала XX века был Эрнст Трёльч, и я думаю, что именно он заложил основы этой ситуации. Чуть позже мы вернемся к этому тезису и поговорим о нем подробнее.

А сейчас давайте рассмотрим третью проблему с приведенным выше определением. Третья проблема либерального историко-критического метода заключается в том, что в нем присутствует нелогичный скачок от метода исследования истории к теории, описывающей реальность. Сначала я говорю: «Вот как я буду изучать события», — и тут же продолжаю: «А вот моя теория о том, как все обстоит на самом деле». И теперь я уже описываю онтологию, я описываю бытие, действительность. Эрнст Трёльч утверждал, что каждое событие без исключения должно быть вписано в мироздание, определяемое моим нынешним опытом. Мой нынешний опыт становится правилом. Только что я был исследователем, использовавшим метод, и вот я уже властитель, я определяю правила. Пытаясь поступать таким образом, мы, на мой взгляд, совершаем очень большую ошибку.

Четвертая и последняя проблема (чтобы побыстрее разобраться с этой самой трудной частью) — наши друзья-либералы постулируют свои презумпции до того, как начинают изучать Библию, а не после того, как закончат ее изучать и будут располагать всеми фактами. Я бы не стал возражать, если бы они сказали: «Давайте подойдем к Библии с позиций американской юриспруденции и будем считать, что текст невиновен, пока не доказано обратное». Однако, боюсь, все происходит как раз наоборот. Поскольку Библия — религиозный документ, а потому носит религиозный характер, он наверняка написан пристрастно, т. е. текст виновен, пока не будет доказано обратное. Это ставит все с ног на голову. Попробуйте представить себе, что будет, если светский суд начнет руководствоваться таким принципом? Для подсудимого это станет непосильной ношей. Ответственность перекладывается на другие плечи, и факты не получают должного рассмотрения.

Я учился в иудейском учебном заведении, Брандейском университете, где моим преподавателем был Сайрус Гордон. Его подход заключался в следующем: о ком или о чем бы ни шла речь, о Геродоте, Ксенофонте, о каком-то другом человеке или о библейских текстах, прежде чем выносить какое-либо суждение, нужно изучить сам документ. Прочитайте текст. Выслушайте его, прежде чем выносить оценочные суждения. Мне нравится эта мысль. Меня так учили. И потому нам говорили, что мы должны владеть языками оригинала. Не говорите мне, что нужно знать лишь английский, греческий и иврит. А как же египетский? Как же вавилонский, аккадский, ассиро-вавилонский диалект? А коптский? А арабский? Угаритский? Моавитский? Сайрус Гордон говорил: «В нашем мире есть много болезней, но ваша болезнь излечима. Это невежество». И потому он говорил: «Учите языки. Я хочу, чтобы вы читали первоисточники. Никаких вторичных источников. Никаких „некоторые ученые говорят“. Идите, читайте текст сами и сами добывайте факты».

Мне кажется, что сейчас все происходит наоборот. Либералы исходят из предположения, что текст — это полотно, криво сшитое из позднейших источников. И лишь изредка можно найти несколько подлинных фраз или ранних текстов — вроде 15-й главы книги Исход, или песни Деворы в 5-й главе книги Судей. Вот они, может быть, и древние. Однако большая часть текста была написана гораздо позже и представляет собой мозаику, лоскутное одеяло из разных источников, иногда присутствующих даже в каждом стихе, не говоря уже о главах. Множество источников.

Что ж, давайте перейдем к нашему третьему основному пункту. Где же убойные факты? Предполагается, что в этой лекции речь пойдет об убойных фактах, губительных для господствующей либеральной теории, именуемой документарной гипотезой.

Прежде всего, самый убойный факт, с которым я могу вас познакомить, на мой взгляд, заключается в том, что Второзаконие, главный текст, документ «D», ключевой элемент всей системы, как я полагаю, следует датировать серединой второго тысячелетия до н. э. Почему? Потому что у нас есть целый ряд так называемых договоров о сюзеренитете. Эти договоры заключали великие цари (например, хеттейский царь, правивший целой империей) с менее значимыми царями.

Во втором тысячелетии эти договоры, согласно требованиям этого литературного жанра, состояли из пяти основных частей. Сначала шел пролог, потом — обзор истории взаимоотношений, далее — условия договора, на четвертом месте были статьи о проклятиях и благословениях (если выполняешь условия, хорошо, если не выполняешь, то ой-ой-ой что будет с твоим маленьким городом или государством) и, наконец, правила престолонаследия.

Именно так в общих чертах выглядит канва книги Второзакония, которая, как утверждают, была написана рукой Моисея в середине второго тысячелетия. За четырнадцать столетий до нашей эры — тогда жил Моисей.

Если же вы обратитесь к договорам сюзеренитета, составленным в первом тысячелетии до нашей эры — и у нас есть несколько таких документов, составленных во времена Амоса и Исаии, — как выглядят они, ассирийские договоры, заключенные с царями-вассалами? В них отсутствуют первые две части. Иными словами, литературная форма была упрощена. Она стала короче. Так что в данный момент я говорю не о богодухновенности, а о тексте как он есть; иными словами, текст как он есть должен был быть написан во втором тысячелетии, т. е. примерно в 1400 г. до н. э., а вовсе не в 400 или 600 г. до н. э., как утверждает господствующая сегодня теория.

Иными словами, воспользуемся базовыми принципами «критики форм» — или, если вы не против немецкого языка, *formgeschichte*. Критика форм, если применять ее саму по себе, показывает, что Второзаконие следует датировать XIV, а не IV веком до н. э. Ошибка составляет тысячу лет. И я не видел, чтобы кто-то об этом писал. В 1950-х годах Джордж Менденхолл из Мичиганского университета написал на эту тему докторскую диссертацию, но научное сообщество до сих пор не проявляет к вопросу большого интереса. На это неоднократно указывали Кеннет Китчен из Ливерпульского университета, Дональд Вайзман из Британского музея и другие, в том числе Алан Миллард, также из Великобритании, весьма уважаемый ученый. Это лучшие специалисты в своей области; они согласны именно с тем, о чем я вам рассказал. Однако научное сообщество в целом интереса не проявляет.

Итак, Второзаконие 1:1-5 — это пролог. Отрывок с 6-го стиха до конца 4-й главы представляет собой исторический обзор. В главах с 5-й по 26-ю перечислены условия. 27-я и 28-я главы — это проклятия и благословения. В главах 29-34 преемником назначается Иисус Навин и даются предписания относительно сохранения Закона. Все выглядит точно так же, как в документах великих хеттейских, ассирийских и прочих царей.

Но я еще раз говорю вам, что такую литературную форму уже не найти в первом тысячелетии до н. э., когда, в соответствии с документарной теорией, эти книги были написаны. Иными словами, на ущербность теории указывают факты; не богодухновенность, не богословские рассуждения, а сам текст.

Давайте взглянем на другой пример убойных фактов, которые, на мой взгляд, сокрушают господствующую либеральную документарную гипотезу. У меня есть пять вопросов, на которые эта теория, по-моему, не может дать ответ. Пять вопросов. Они не новы. Роберт Дик Уилсон из Принстона сформулировал их еще в 1938 году, так что они не новы. Они много лет лежали на столе, но никто ими не интересовался. Думаю, что поинтересоваться стоило.

Вопрос номер один: если Второзаконие и Закон (например, книга Судей 20-24) были написаны, как утверждает либеральная документарная теория, во времена разделенных царств Израиля и Иуды, почему имя правящего царя ни разу не упоминается? Ведь все цари Израиля и Иуды правили на протяжении классического периода пророков и вплоть до 400-х гг. до н. э. К тому времени кому-то наверняка пришлось бы в голову вписать в текст царя, однако царь упоминается один-единственный раз, в 16-й главе Второзакония, да и то как предвкушение будущего. Это предсказание о том времени, когда у Израиля будет царь. Сторонники документарной теории говорят: «Они нарочно написали так, чтобы это выглядело как предсказание». Но если бы я хотел вписать в текст нечто подобное, я бы, честно говоря, уделил этому больше места. Я бы пару раз назвал себя царем и позаботился бы о том, чтобы надежно укрепить свой трон. Ссылки на 16-ю главу Второзакония — жалкая попытка оправдать столь позднюю датировку.

Второй вопрос столь же ошеломителен: если текст был написан после того, как Иерусалим стал центром поклонения (а Давид захватил Иерусалим в 1000 г. до н. э.), было бы логично ожидать, что к 600, а тем более к 400 г. до н. э. кто-нибудь сообразит упомянуть в тексте Иерусалим как место, куда следует идти для поклонения Богу, не правда ли? Тем более, что этот момент был одной из причин конфликта между Северным и Южным царствами. Давайте разберемся. Если ты пишешь книгу так поздно, напиши об Иерусалиме. Напиши о нем. Однако же, ничего подобного. Ни Иерусалим, ни Сион (поэтическое название города) не упоминаются как место, где следует поклоняться Богу. Кто мог схалтурить и датировать этот текст столь поздним периодом? Только мошенники. Им следовало лучше все обдумать.

Третий вопрос, который необходимо задать, звучит так: почему полностью обойден вниманием храм? Ведь это здоровенное сооружение посреди Израиля стоимостью от 2 до 6 млн. долларов на наши деньги! Кто-то наверняка бы о нем вспомнил. Почему никто не упомянул храм в тексте? И напротив, догадайтесь, о чем говорится в тексте, — о мифической скинии, которой, если верить документарной теории, и вовсе не существовало в природе! Скиния — это миф. Ее никогда не было. Помните, как они шли по пустыне и собирали эту штуку? Так вот, не беспокойтесь на этот счет, — говорит нам документарная теория. Ничего этого не было. Это была гипотеза. Скиния — это искаженное описание второго или, как полагают некоторые, первого храма. Только все размеры указаны неверно. И интерьер описан неправильно. И названия не те.

Сторонники документарной теории — плохие писатели. Очень плохие. Если уж они взялись придумывать толкование, могли бы изобрести что-нибудь получше. Вы даже не представляете себе, в какое затруднительное положение их ставят заданные выше вопросы о царе, об Иерусалиме и о храме. От замешательства у них темнеет в глазах. И они не хотят об этом думать. Что ж, тогда я буду кричать об этом с крыш домов на всю Америку. Я раскрою тайну. И ее необходимо раскрыть. Кстати говоря, пресловутая «мифическая скиния» описана в тексте очень подробно с 25-й — вы не поверите — аж до 40-й главы книги Исход! Немаленькое описание того, чего никогда не было. Что ж, *Selah!*

Как бы то ни было, вы видите, что проблема реальна. И так и должно быть.

Четвертый вопрос: почему в книге Левит делается такой упор на пролитие крови и жертвоприношения, если евреи находились в Вавилонском плену, и никаких жертв, никакого пролития крови не было? Кстати сказать, не было их и в вавилонской религии. Кому в голову и как пришла эта безумная мысль? IV век до н. э. и период после Вавилонского пленения не соответствуют фактам. А потому вопрос справедлив.

Пятый вопрос: почему обрядовый закон написан на диалекте иврита, столь отличном от языка, на котором говорили евреи в Вавилонском плену и евреи в Египетском плену в на о-ве Элефантина близ нынешней Асуанской плотины? У нас есть множество текстов на арамейском языке, который представляет собой сложный диалект семитского письма, отличный от иврита. Почему же эти тексты, относящиеся к тому периоду времени, написаны на иврите? И следует ли нам считать, как предлагает документарная теория, будто предполагаемые авторы времен Вавилонского пленения, вместо того, чтобы писать на арамейском, изобретали и заимствовали названия — хотя бы даже для первосвященнического нагрудника со всеми украшавшими его камнями? Потому что названия каждого из этих камней, похоже, были настолько трудны, что люди, которые записывали их в то время, забыли, как они должны звучать, и во всех четырех арамейских таргумах они написаны по-разному. На мой взгляд, если бы они переводили с арамейского на иврит, то запомнили бы арамейские названия. Однако у нас есть четыре таргума, в которых арамейские названия записаны по-разному....

Как вы видите, можно было бы продолжать в том же духе. Но давайте поговорим еще об одном аспекте. Как мне представляется, это третья разновидность убойных фактов. Мы уже говорили, что текст мог быть написан только во втором тысячелетии. Мы уже сказали, что есть пять трудных вопросов. Однако, на мой взгляд, есть кое-что еще: нужно отметить, что историко-критический метод и документарная теория появились до расцвета археологии. Сама теория в том виде, в каком она сегодня применяется, почти во всех деталях, существовала уже к 1878 году. И Юлиус Велльгаузен опубликовал свое знаменитое «Введение в историю Израиля» в 1878 году. Но к тому времени мы еще не нашли ни единой рукописи и не произвели никаких научных археологических изысканий. Так что мы имеем дело с теорией, которая появилась раньше всех фактов. А с 1930-х годов до сегодняшнего дня мы нашли где-то порядка сотен тысяч, если не миллионов табличек, если говорить об одних только надписях. Никогда прежде мы не располагали таким объемом источников. Ни на одном языке.

И мне представляется, что археологические данные и сведения, полученные из древних надписей, снова и снова подтверждали историческую достоверность бесчисленного множества библейских отрывков. Конечно, мы ни разу не находили древних документов, в которых было бы конкретно сказано: «Вот разноцветная одежда Иосифа. Бытие», — и ссылка на текст. Вы должны это понимать. Некоторые говорят, что мы ищем такие источники. Это неправда. Но я покажу вам, насколько значимы наши находки. Возьмем пример из последних 10-20 лет. В 20-24 главах книги Чисел упоминается Валаам, сын Веоров. Как вы помните, ему довелось пережить нечто необыкновенное. Его собственная ослица оказалась мудрее его и преподала ему урок. Большинство людей говорит, что это миф, что никаких исторических свидетельств существования Валаама, сына Веорова, не существует. Они ошибаются. В 1967 году в долине реки Иордан было раскопано древнее поселение Дейр Алла. Что мы там нашли? Надписи — кстати, в виде колонок текста. И что же мы читаем в одной надписи, которую, судя по всему, оставил на стене какой-то школьник? Он четырежды повторяет: «Пророк Валаам, сын Веоров», — и упоминает родной город пророка.

Не знаю, насколько это впечатляет вас, но меня это впечатляет очень сильно. Только подумайте: имя человека всплывает таким удивительным образом, а надпись с помощью радиоуглеродного анализа датирована 800 г. до н. э. Таким образом, надпись сделана примерно через 600-700 лет после самого события. Очень впечатляюще.

А как насчет имен, названий и обстоятельств жизни патриархов? Мы находим их в египетских письменных проклятиях: египтяне писали имя какого-то жителя Палестины или название какого-то палестинского города на глиняном черепке-остраконе, а потом разбивали этот черепок. Отсюда, кстати, происходит слово «остракизм». Вы берете маленький глиняный черепок, пишете на нем что-то, а потом накладываете на него заклятие. Вы говорите: «Вот твое имя», — и разбиваете черепок. И нет больше Иерусалима; нет больше Ашкелона; нет больше Газы. И так далее, и так далее. Понимаете? Это города, о которых говорится в Библии. Иными словами, они существовали в то время. Более того, я своими глазами видел в нузийских табличках, в алахских табличках, в

угаритских табличках имена людей — речь не о конкретных людях, а о том, что в те или иные периоды родители дают своим детям определенные имена. Например, сейчас есть популярные имена, которые родители дают своим детям. Их много. Периодически их набор обновляется. Так было и в те времена. Угадайте, как называли детей в период 2000-1800 гг. до н. э. Авраамами, Исааками и Иаковами. Это хорошие имена. Очень хорошие имена. И мы постоянно натываемся на них в древних документах.

И это касается не только имен, но и обычаев. Вы скажете: «Продать первородство? Что за чушь! Как это возможно? Хотел бы я посмотреть, как продают первородство сегодня». Сегодня это уже не увидеть, а тогда вполне можно было. У нас есть документы. Я их читал. Я своими глазами читал текст, в котором один брат говорит другому: «Слушай, я очень хочу есть. Дай мне трех овец, и я тебе отдам земельный надел, который оставил мне отец». И это текст того же периода времени.

То же самое можно сказать об устных благословениях. Вы скажете: «Где это видано, чтобы суд принял во внимание слова: „Отец сказал мне, что я могу забрать себе все“?» Но в те времена так и было. В наше время такие заявления ничего не стоят, но у нас есть письменные свидетельства того, что в те времена к ним относились серьезно.

Так же дело обстоит и с тем, как текст отражает реалии жизни. Например, когда мы читаем 1-11 главы Бытия, предполагается, что действие происходит в Шумере, в Вавилоне, на территории современного Ирака; южный Вавилон, южный Ирак. И что же мы видим? Есть ли у них камни, чтобы строить дома? Нет. Ни одного камня в пределах видимости. Им приходится делать кирпичи. Так что они делают кирпичи. А чем они их скрепляют? Цементным раствором, потому что там много известняка? Нет, известняк и камни есть в Израиле, а тут их нет. Скреплять кирпичи приходится битумным материалом. И если мы с 1938 года так и не усвоили, что именно в тех краях есть нефть, они об этом знали. Именно так они скрепляли кирпичи — склеивали их битумом. Чего и следовало ожидать. А когда Библия говорит, что они построили башню, вы спрашиваете: «Башню?» Да, они строили пирамидальные сооружения, зиккураты, довольно высокие.

А потом, открыв 37-ю главу Бытия и начало книги Исход, вы находите египтологический материал. Речь о том, как Иосиф оказался в Египте. Меняются ли термины и реалии? Меняются. Снова. Неоднократно. Из всех титулов, которыми Иосифа называют в 41-й и 45-й главах Бытия, шесть имеют египетское происхождение, тождество несомненно. Именно это я вижу в тексте, когда его читаю. Поведение жены Потифара, когда она пытается соблазнить Иосифа, как вы помните, и его ответ очень напоминают сказку о двух братьях. Это звучит правдиво, это часть традиции, это часть культуры, это их проблема.

То же самое можно сказать о сцене введения в должность в Бытии 41:42 — перстень, золотая цепь и дорогая одежда. Все это египетское. И египетские имена — не только Фараон, но и Потифар, Асенефа, Мерари, Финеес. Финеес — хорошее египетское имя. Медный мальчик. Именно так они его и называли...

В общем и целом, как мне кажется, у нас есть множество литературных и исторических свидетельств. И если присовокупить их к договору сюзеренитета в книге Второзакония, которая могла быть написана только во втором веке, полагаю, у нас есть чрезвычайно убедительные доводы.

Только недавно к югу от Иерусалима, на южной стороне долины Гинном близ церкви св. Андрея в гробнице были найдены два своего рода амулета. Археологи копали и наткнулись на гробницу, датируемую по меньшей мере 600 г. до н. э. Что написано на находке? Священническое благословение, Аароново благословение из 6-й главы книги Чисел: «Господь да благословит тебя. Господь да призрит на тебя светлым ликом Своим». Вы наверняка хорошо помните эти слова в тексте. И вот они написаны здесь. Однако возникает проблема: как можно было написать их на амулете в 600 г. до н. э., если книги Чисел еще не существует. Она будет написана лишь 200 лет спустя в 400 г. до н. э. Это проблема. Ничто не доставляет таких проблем, как факты.

Так или иначе, похоже, нам нужно подвести какой-то итог, а потом у вас будет возможность высказаться. Из всего сказанного, как мне кажется, следует, что археология и древние надписи подтверждают те аспекты личности и писаний Моисея, в которых им отказывают Велльгаузен и его документарная теория. Поразительно! Снова и снова — и именно там, где Велльгаузен сказал: «Этого не может быть; этого не может произойти». Все началось с утверждения, будто Моисей не мог написать Пятикнижие. В этом заключалась основная проблема, пока мы не нашли надписи 3400 г. до н. э. и не решили отказаться от даты 1400 г. до н. э. Так или иначе, все началось с утверждения, будто Моисей не мог написать Пятикнижие. Сегодня некоторым не хочется вспоминать те дни, однако это было.

И когда Библия говорит: «Сказал Моисей сынам Израилевым», — критики возражают: «Это могло быть написано лишь 700 лет спустя, после смерти Моисея. Поэтому Библия неверна, и ей нельзя доверять». Однако сегодня мы приходим к противоположному выводу. Мы говорим, что критики ошибаются, и что их аргументы основаны на неверных предпосылках, которые слишком узки и были сформулированы еще до того, как они увидели факты. Еще до того, как они ознакомились с фактами.

Археология учит нас с уважением относиться к письменным свидетельствам древности. «Люди и их идеи, — говорится в 40-й главе книги Исаии, — подобны траве; они погибают. Они всходят и цветут, но также и погибают. Однако Слово Божье пребывает вовек».

Итак, это все, что я хотел рассказать вам в этой лекции. У нас есть еще несколько минут. Я могу ответить на один-два вопроса, и если вы будете как можно более лаконичны, я тоже постараюсь быть кратким и попробую ответить на несколько вопросов.

В: Вы действительно считаете, что эта конкретная группа ученых сформулировала свои предположения еще до того, как приступила к изучению текста, а потом наложила их на текст?

О: Да, именно так.

В: Можно ли сказать, что истоки этой теории восходят к философам VII-VIII веков, многие из которых были деистами, что деизм был основой многих выводов, к которым они пришли, и что эти идеи проникли в Церковь?

О: Да, вы правильно меня поняли. Да, боюсь, эти идеи составляли значительную часть фона, на котором возникла данная теория. И это самое ужасное. Думаю, в каком-то смысле многие сегодня хотели бы сказать: «Нет-нет, забудь об этом. Это был только первый этаж. Давай его оставим в покое, перейдем на второй, а первый разломаем и будем надеяться, что второй этаж не поведет и не перекосит». Такое удается редко. Если продолжить аналогию, стоит разломать первый этаж, и верхние этажи, как правило, с грохотом падают вниз. Так что Вы правы, именно это я и хочу сказать. Однако эти идеи были основой в XVII, XVIII и XIX веках. Начиная с 1950-х годов, некоторые хотели бы забыть об истоках, но еще никто не доказал, что все здание устоит, если из-под него вытащить фундамент.

В: Документарная теория исходит из того, что Моисей не мог написать о событиях, произошедших после его смерти. И не мог сам себя назвать кротчайшим человеком на земле.

О: Мой ответ таков, что Иисус Навин в своей книге, в главе 24, говорит, что он под водительством Бога вписал слова в Книгу Закона. Некоторые моменты были добавлены в процессе редакции, и об этом упоминается в книге Иисуса Навина. Так что есть какие-то части, добавленные после Моисея, и я полагаю, что описание его смерти — одна из них. Я не думаю, что он написал 34-ю главу Второзакония, в особенности слова: «...и никто не знает места погребения его даже до сего дня». Что было бы еще большим пророчеством. Так что я думаю, эти слова определенно не следует приписывать ему. Кроме того, я не думаю, что Моисей написал: «Давайте-ка я на время отложу свою кротость и назову себя самым кротким человеком на земле». Не слишком кроткое заявление. И потому я думаю, что только Иисус Навин мог написать и эти слова. Такие вопросы возникают. Думаю, есть около двенадцати подобных моментов, добавленных

после Моисея. Но не забывайте, что ответственность за них берет на себя Иисус Навин, который учился у Моисея.

Д-р Кайзер — заслуженный профессор Ветхого Завета в Богословской семинарии Гордона-Конуэлла. Д-р Кайзер получил степень доктора философии в области изучения средиземноморского региона от Брандейского университета, и его перу принадлежит целый ряд монографий: *The Old Testament in Contemporary Preaching, Toward an Exegetical Theology, Biblical Exegesis for Preaching and Teaching, A Biblical Approach to Suffering* (комментарий на книгу Плач Иеремии), *Toward Old Testament Ethics, The Uses of the Old Testament in the New, Hard Sayings of the Old Testament, Back Toward the Future: Hints for Interpreting Biblical Prophecy*, а также толкование на книгу Исход в серии *Expositor's Bible Commentary*. Кроме того, он написал ряд других книг как для широкой, так и для научной аудитории. Его статьи публиковались в таких журналах, как *Moody Monthly, The Journal of the Evangelical Theological Society* и *Evangelical Quarterly*.

Настоящий материал представляет собой текст лекции, прочитанной на апологетической конференции Богословского исследовательского института Анкерберга (Орландо, Флорида) в 1991 году.

Оригинал статьи находится на сайте

www.jashow.org

Источник:

<https://apologetika.ru/C-208/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8B+%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%B3%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%B7%D1%8B>